

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 8

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-4-104-109

Дата поступления: 01.09.2022
рецензирования: 26.11.2022
принятия: 15.12.2022

С.А. Голубков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

**Путеводитель по детству.
Рецензия на монографию М.А. Перепёлкина
«Вокруг “Детства Никиты”»: мир – слово – смысл»**

Аннотация: статья представляет собой рецензию на монографию М.А. Перепёлкина «Вокруг “Детства Никиты”»: мир – слово – смысл» (Самара, 2021). Установив, что свою задачу автор монографии видит во введении в историко-литературный обиход обширного фактического материала и аргументированном комментарии как текстовых, так и иконографических документов, рецензент заостряет своё внимание на тех аспектах, которые представляются ему наиболее важными. К таким аспектам относятся, например, хитросплетения имущественных отношений землевладельцев, одним из которых был отчим А.Н. Толстого – А.А. Бостром, белые пятна в биографии матери писателя – А.Л. Толстой, предметный мир детства самого А.Н. Толстого и детства его литературного героя, круг чтения семьи Толстых и многоликий круг людей, живших или бывавших в сосновском доме Бострома–Толстых. К наиболее принципиальным и содержательным, по мнению рецензента, принадлежит также раздел монографии, посвященный истории увековечения памяти о писателе А.Н. Толстом в Самаре и Самарской области. Всё сказанное позволяет рецензенту сделать вывод о том, что рецензируемая монография тяготеет к жанру книги-комментария, после прочтения которого не только повесть «Детство Никиты», но и произведения «заволжского» цикла, да и целый ряд других толстовских текстов становятся более понятными и фактографически прозрачными.

Ключевые слова: А.Н. Толстой; «Детство Никиты»; история; география; предметный мир; круг чтения; история увековечения; книга-комментарий; метагеография.

Цитирование: Голубков С.А. Путеводитель по детству. Рецензия на монографию М.А. Перепёлкина «Вокруг “Детства Никиты”»: мир – слово – смысл» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 104–109. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-104-109>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Голубков С.А., 2022** – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC REVIEW

S.A. Golubkov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

**Childhood guide.
Review of the monograph by M.A. Perepelkin “Around
“Nikita's Childhood”»: world - word - meaning”**

Abstract: the article is a review of the monograph by M. Perepelkin «Around “Nikita's Childhood”»: world – word – meaning» (Samara, 2021). Having established that the monograph author sees his task in introducing extensive factual material into historical and literary use and reasoned comments on both textual and iconographic documents, the reviewer focuses his attention on those aspects that seem to him the most important. Such aspects include, for example, the intricacies of landowners' property relations, one of which was A. Bostrom - the A. Tolstoy's stepfather, blanks in A. Tolstaya's biography - the writer's mother,

the objective world of A. Tolstoy's childhood and the childhood of his literary hero, the reading circle of the Tolstoy family and the many-faced circle of people who lived or visited the Bostrom-Tolstoy house in Sosnovka. In the reviewer's opinion, the most fundamental and meaningful information comprises also the monograph section devoted to the history of perpetuating the memory of writer A. Tolstoy in Samara and the Samara region. All the above stated allows the reviewer to conclude that the monograph under review tends towards the commentary book genre, and after its reading not only the «Nikita's Childhood» story, but also the «Zavolzhsy» cycle works, and a whole number.

Key words: A. Tolstoy; «Nikita's Childhood»; history; geography; objective world; reading circle; history of perpetuation; commentary book; metageography.

Citation: Golubkov, S.A. (2022), Childhood guide. Review of the monograph by M.A. Perepelkin “Around the “Nikita's Childhood”: world - word - meaning”, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 4, p. 104–109, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-104-109>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Golubkov S.A., 2022** – Doctor of sciences in Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Монография М.А. Перепёлкина – книга, обладающая большой ценностью историко-литературного и краеведческого характера. Книга-ключ, или даже целая связка звонких смыслоёмких ключей к миру юного Алексея Толстого, к тому пространству, которое могло просто кануть в пучину забвения, но которое благодаря писательскому дару преобразования получило счастливую судьбу реальности, запечатленной в художественном слове. Конечно, труд М.А. Перепёлкина – это и дань нынешнему вековому юбилею лирически проникновенной повести А.Н. Толстого «Детство Никиты».

Ключевое слово в заглавии книги М.А. Перепёлкина – слово «вокруг». Есть разные круги бытия – дом, ближайшие окрестности, город, губерния, страна, мир. Расходящиеся круги безмерного пространства. Переходя из детства в отрочество, в юность и взрослость, человек последовательно осваивает эти манящие круги открывающегося мира. Так уж сложилось, что в жизни писателя А.Н. Толстого будет много различных пространств – и отечественных, и зарубежных. Но это будет потом, а начиналось все именно здесь – в сосновском усадьбном доме. Отсюда вёл своё исчисление тот мир «многих превосходных вещей», который в итоге и сформировал большого писателя.

Основная часть

Автор исследования видит свою основную задачу не только в том, чтобы детально описать историю и географию тех мест, которые из реального пространства перешли в пространство большой литературы, но и в том, чтобы освободить, насколько это возможно, весь корпус изучаемых фактов от накопившихся за многие годы мифов, домыслов, разночтений, историко-литературных ошибок и досадных неточностей. Автор не ограничивается введением в историко-литературный обиход обширного фактического материала, но

и стремится тщательно и аргументированно прокомментировать все попадающие в орбиту его исследовательского внимания документы, как текстовые, так и иконографические, объяснить все значимые в рамках избранной темы подробности минувшей эпохи.

Внушительен источниковедческий фундамент данной книги, хорошо продумана ее композиция, строго подчинённая исследовательской логике. Эта логика включает такие взаимосвязанные компоненты, как терпеливое разыскание (поиск неизвестных доселе документов и фактов) и скрупулезное расследование (установление истинных причинно-следственных связей между событиями и поступками описываемых людей). При обращении к источникам автора интересует многое – и обширная, к счастью, сохранившаяся семейная переписка; и творчество писательницы Александры Леонтьевны Толстой–Бостром, матери А.Н. Толстого; и творчество самого автора произведений цикла «Заволжье» и «Детство Никиты»; и история различных селений бывшего Николаевского уезда, равно как и других сопредельных мест; и судьбы многочисленных их обитателей.

В работе историка литературы и краеведа могут неожиданно встретиться подстерегающие его коварные подводные рифы. Приходится сталкиваться со многими неясностями, даже с некоей непонятной, на первый взгляд, путаницей. Интересна в связи с этим мысль исследователя о существовавшей номинативной вариативности (в названиях мест, в именовании жителей), о которую спотыкаются дотошные исследователи. В реальной же жизни такая вариативность была вполне естественной. Автор пишет: «Как тоже увидит читатель этой книги, нередкой была ситуация, когда у одного и того же человека было сразу как бы две фамилии – официальная, доставшаяся ему от родителей, и – “уличная”, образовавшаяся от прозвища, данного земляками либо именно ему, либо – его предкам, и

также закрепившаяся в памяти односельцев наряду с «настоящей»».

Заметим попутно, что Мариэтта Шагинян в своих произведениях, объединенных в «Лениниану», разбираясь в родословной своего героя, тоже писала о такой вариативности в наименовании предков Ленина по отцу: они писались и как Ульянины, и как Ульяниновы, и как Ульяновы. Причинами этого было и неустойчивое социальное происхождение человека из «низов», и особенности местного делопроизводства (ведь нередкими были и элементарные описки в метрических записях). Кстати, М.А. Перепёлкин высказывает любопытную догадку по поводу житейской поведенческой двойственности иного тогдашнего сельского человека, который мог вполне сознательно вести двуплановое существование: под одним именем одно, под другим (например, прозвищем) – совсем другое. Исследователь интересно пишет и о случаях ономастической игры в творческой практике А.Н. Толстого как автора повести «Детство Никиты».

Опираясь на множество изученных документов, М.А. Перепёлкин находит спорные моменты в работах современных биографов А.Н. Толстого. Так, он опровергает вывод А.Н. Варламова о «безалаберности и непрактичности» (Варламов 2008) А.А. Бострома, почерпнутый современным писателем из суждений самого А.Н. Толстого, а они, эти суждения, могли быть продиктованы непростым послереволюционным временем, вынуждавшим «редактировать» в угоду обстоятельствам некоторые биографические данные. Автор книги погружается в таинственные глубины родословной Алексея Аполлоновича Бострома, находя там множество драматических изломов, канцелярских казусов и поучительных историй. Так, немало нервов потрепала Аполлону Яковлевичу история с поиском утраченных документов о его рождении, о его дворянском статусе, без которых стопорилось решение вопроса о причислении его к Самарскому дворянству. Бюрократические лабиринты в ходе таких хлопот, как показывает М.А. Перепёлкин в книге, только множились. Так будет и потом, скрипучие бюрократические колеса официального бумагооборота неспешно крутились, но часто всё никак не приближали решения многих вопросов в семье Бостромов. Так, только через тридцать три (!!!) года хлопот род Якова Бострома был внесен в родословную книгу Самарской губернии, но дело этим не закончилось, а зашло в тупик.

Желая установить принадлежность имени в Павловке конкретным лицам, последовательно друг друга сменявшим, М.А. Перепёлкин стремится разобраться в хитросплетениях имущественных отношений тогдашних землевладельцев. И в этом расследовании запутанного дела немало от настоящего детектива. Автор книги находит в юридических и финансовых документах землевладельца

А.А. Бострома полное описание имени, в котором провёл свои детские и отроческие годы будущий писатель Алексей Толстой. Казалось бы, имеющие чисто хозяйственное значение детали этого описания (сухие цифры, планы построек, инвентаризационные списки и наименования) далеки от литературы, но они тем не менее вводят нас в пространство, обживаемое наблюдательным ребенком. Автор рассматривает найденные фотографии, рисунки, чертежи дома А.А. Бострома и других строений как смыслоёмкий источниковедческий материал, позволяющий воссоздать далекое время и утраченное пространство (как известно, усадебный дом не сохранился). Автор дотошен в своих документальных поисках и «реконструкторских» усилиях, что позволяет ему, скажем, находить неточности в офортах художника К.Ф. Печуринко, сделанных в 1970-е годы по не совсем надёжным свидетельствам мемуаристов.

В разделе, посвященном Александре Леонтьевне, матери Алексея Толстого, М.А. Перепёлкин останавливается на белых пятнах, существующих и в её биографии, и в осмыслении её творчества, и в изучении её круга общения. Автор книги обращается к дневнику А.Л. Толстой, видя в нем «ценный сопроводительный комментарий к повести А.Н. Толстого, представляющей собой творческую переработку тех же самых событий и тех же обстоятельств». Таким образом, в самых различных материалах М.А. Перепёлкин находит ключи к явным и скрытым граням художественного мира автора «Детства Никиты».

В дневниковых записях Александры Леонтьевны нашли отражение бытовые реалии. И в этом тоже наблюдается своеобразная «рифмовка» восприятия житейской повседневности у матери и сына, который потом, став писателем, будет очень внимателен к различным колоритным бытовым деталям и подробностям. М.А. Перепёлкин справедливо видит в этих записях свидетельство «глубокой погруженности юного Толстого и в мир родительских забот, и в “хозяйственный космос” хутора и его жителей», ведь и он, ещё тогда отрок, вносил в дневник свои записи, был в курсе всех хуторских событий. Он никак не был сторонним этому миру. Поэтому он мог потом вполне оправданно посмеяться над легковесным вертопрахом Смольковым (герой романа «Чудаки»), совершенно вчуже воспринимающим крестьян как каких-то непонятных ему опереточных пейзажей.

В записях Александры Леонтьевны автор книги находит фиксацию различных местных историй, случаев, забавных эпизодов, лошадиных кличек. Записи изобилуют местными фамилиями, именами, прозвищами. Всё это, так сказать, богатый фактический материал для параллельного «уточняющего» чтения наряду с самим текстом повести «Детство Никиты».

В научных и научно-популярных книгах есть такой сюжетный ход, который можно обозначить словосочетанием «по следам литературных героев». Исследователь, человек из другой эпохи, добросовестно и бережно воскрешает многочисленные жизненные реалии давно ушедшего времени, многие из которых оказались даже далеко за пределами литературного произведения и вовсе не упомянуты на его страницах. Тем не менее исследователь стремится именно к полноте целостного представления о воссоздаваемой жизни. Этот мир, который охватывало преобразующее писательское сознание, был значительно более многомерным, чем те отобранные конкретные жизненные картины, которые непосредственно попали в фокус повествователя. Используя ставший расхожим хемингуэвский образ творчества как пресловутого айсберга, можно сказать, что любой художественный текст являет собой лишь видимую часть ледяной глыбы, кочующей по океанским волнам. М.А. Перепёлкин как раз и исследует весь тот массив фактов и дополнительных смыслов, которую скрывает «подводная» часть текста.

Литературно-краеведческой реконструкции подвергается предметный мир детства самого А.Н. Толстого и детства его литературного героя. Предметный мир в литературе всегда многофункционален. Вещь выступает необходимым строительным материалом при создании художественного пространства. Собственно, и в обычной реальной жизни освоение ребёнком пространства как такового начинается со зрительного и тактильного освоения предметов, это пространство маркирующих. Эти вещи затем могут приобретать целый веер взаимосвязанных значений – сакральных, статусных, мемориальных, эстетических. Они становятся знаковыми доминантами, по которым человек, вступивший в пору своей взрослой жизни, может восстановить в памяти чарующий мир счастливого детства. Старый комод, кресла, диван, рояль, игрушки на ёлке, книги в отцовском кабинете – всё это запечатлевает сознание ребенка. Надо заметить, А.Н. Толстой вообще обладал удивительным и редким даром передавать специфическое ментально-эмоциональное состояние маленького человека. Это не каждому дано. С годами мы, взрослые, утрачиваем былую детскую непосредственность восприятия жизненных реалий. А писатель мог легко воссоздавать такое наивное мировидение, смотреть на жизнь незамутненными, чистыми «детскими глазами». И исследователь М.А. Перепёлкин идёт как бы вслед за ним, погружая нас в дремлющие в глубинах души писателя и его героя переживания, потрясения и детские «открытия», которые и составляли те вполне осязаемые чудесные «первоосновы бытия», о чём позднее писал в автобиографии А.Н. Толстой.

Пристальное внимание к предметному миру было вообще характерно для сочной бытописи –

этой неотъемлемой черты мастерства А.Н. Толстого. Предметно-бытовые зарисовки в великом множестве рассеяны по всей его прозе, причём создание их отнюдь не являлось самоцелью, а входило в сложный «химический состав» индивидуальной повествовательной манеры писателя. И корни такой по-художнически цепкой предметной наблюдательности, несомненно, уходили в сферу детских впечатлений самарского периода. Поэтому разыскания, проводимые в книге М.А. Перепёлкина, – это не только дань чисто краеведческому интересу, но и поиск дополнительных ключей к секретам изобразительной манеры А.Н. Толстого.

Отдельную главку М.А. Перепёлкин посвящает кругу чтения семьи Толстых. Самым главным документальным источником, позволяющим давать взвешенную и достоверную оценку читательских вкусов и пристрастий обитателей сосновской усадьбы, является для автора книги их обширная переписка, в которой тема чтения занимала одно из важнейших мест на протяжении многих лет. Заметки о книгах и чтении оставляет А.Л. Толстая и в своих рабочих записях. Весь этот массив развернутых оценок и мимолетных упоминаний тщательно изучается внимательным филологом.

В поле зрения М.А. Перепёлкина попадает и многоликий круг людей, живших или бывавших в сосновском доме Бострома–Толстых. Среди них учителя Лёли – Подбельский, А.И. Словохотов, Э. Рейсс; тетя Маша – сестра Алёшиной матери Мария Леонтьевна Тургенева, кстати, оставившая мемуарное свидетельство о своей поездке в Сосновку; другие родственники и знакомые. Автор книги, опираясь на документы, досконально восстанавливает всю разветвлённую цепь межличностных связей давно ушедших в иной мир людей и наполняет живым дыханием их биографии. Эти страницы книги напоминают портретную галерею в старинном доме, где мы неспешно переходим от одного портрета к другому. Так, автор даёт подробный экскурс в историю рода Свечиных и уделяет внимание тому из них, «с кем теснее всего общались родители А.Н. Толстого, и он сам, бывали друг у друга в гостях, поддерживали добрососедские и приятельские отношения». У некоторых из посетителей сосновского дома Бострома–Толстых неожиданные повороты судеб могли бы стать сюжетом настоящего романного повествования, как замечает автор, например, по поводу истории происхождения незаконнорожденного Дмитрия–Фредерика Гардинга.

А еще есть «людская» – неперемнная принадлежность дворянской усадьбы, своеобразный мостик между дворянским и крестьянским мирами. В книге М.А. Перепёлкина читаем: «В отличие от “космического” и пронизанного культурой домашнего пространства, людская – природна и в некотором смысле – хаотична. Это хтоническое лежбище,

“берлога”, где “хорошо пахнет бараниной и печёным хлебом”». Эти миры – сообщающиеся сосуды, и потому автор книги достаточно подробно описывает дворовых людей, с которыми общался будущий писатель. Характеры и судьбы этих людей по-разному отразились в переписке Бострома–Толстых, но эта сохранившаяся информация интересна автору книги, поскольку свидетельствует о том, как жизнь народная в ее будничном и непрерывном течении исподволь входила в сознание Алексея Толстого. Точно так же незаметно, но на всю оставшуюся жизнь входили в писательский архив памяти и природные реалии Самарского Заволжья. Конечно, хутор Сосновка и окрестные села не остались на веки вечные такими, какими они открывались глазам А. Толстого-ребёнка. У них была своя непростая судьба в советский период отечественной истории, свои порой драматичные и радикальные изменения. Менялись и бывшие друзья детства Алёши Толстого. Автор книги приводит документальные свидетельства, пытается, меняя «оптику», двойко взглянуть на далёкую реальность – и глазами тогдашнего современника, и глазами сегодняшнего дотошного краеведа. Это, бесспорно, интересный и продуктивный исследовательский ракурс, который позволяет воочию увидеть, какой след в памяти односельчан оставила сосновская усадьба, ее обитатели, да и сам будущий автор повести «Детство Никиты». Выстраивается сложная система своеобразных зеркал, перекрёстных отражений. Автор книги при этом обращается не только к документам, записям в метрических книгах, публикациям в местных газетах, но и непосредственно ведёт беседы со старожилами Павловки, в чьей зыбкой старческой памяти так или иначе сохранились и абрис событий давнего времени, и облик всех тех, о ком идёт речь в этой книге. Такие рассказы очевидцев – по сути своей смыслоёмкие человеческие устные «документы-свидетельства», те самые «микроистории», из которых по кирпичику создается здание общей гражданской истории отечества.

Содержателен раздел, посвященный старинному приятелю А.Н. Толстого Николаю Девятову и его потомкам. В центре внимания автора книги воспоминания самого Н.В. Девятова «Из далекого прошлого», ценные как свидетельство непосредственного очевидца интересующих нас событий из жизни Бострома–Толстых.

М.А. Перепёлкин знакомит читателя своей книги и с исторической судьбой окрестностей Сосновки, упоминаемых в литературном архиве Бострома–Толстых. В поле зрения исследователя-краеведа попадают села Колокольцовка, Хомяковка, Марьевка, Губернаторовка, Колдыбань, Самаровка, Каменный Брод и другие. Мы совершаем занимательное путешествие по старинным документам, приоткрывающее завесу времени, за

которой таятся забытые события, забавные случаи, интриги и конфликты, судебные разбирательства, словом, всё то, из чего состоит ткань повседневного человеческого бытия. Мы обнаруживаем, что провинциальная действительность при ближайшем рассмотрении была многомерной, в неё вовлекалось огромное множество людей, принадлежащих к разным социальным слоям и профессиональным группам. Автор пишет о земских служащих, о священниках, докторам, ветеринарах, почтовых работниках, кузнецах, мельниках, торговцах, и нет числа всем этим историям и упоминаниям.

Помимо локальных местных событий в повседневную жизнь Самарского Заволжья вторгались серьёзные события большой истории – голод в Поволжье, эпидемии, звучали тревожные отголоски военных и революционных потрясений. Исторически-грандиозное и случайно-мелкое (местные криминальные происшествия, судебные тяжбы), переплетаясь, образовывали сложную событийную вязь текущей действительности.

Содержателен раздел, посвященный истории увековечения памяти о писателе А.Н. Толстом в Самаре и Самарской области (организация школьного музея и установка памятника писателю в Павловке, воистину подвижническая деятельность директора Куйбышевского литературно-мемориального музея им. М. Горького М.П. Лимаровой по созданию самостоятельного музея-усадьбы А.Н. Толстого). Таким образом, героями этой книги М.А. Перепёлкина, помимо семьи Толстых, их широкого самарского окружения, становятся и музейные работники второй половины XX века, которые увлеченно занимались поисками не только документов (писем, рукописей, официальных бумаг, фотографий), но и предметов усадебной мебели, столь необходимых для формирования полноценной литературно-мемориальной экспозиции. По-своему увлекательны страницы, посвященные таким конкретным разысканиям музейных работников. История поисков обретает увлекательную сюжетность, каждый мемориальный предмет предстаёт со своей уникальной «биографией». Предметы мебели, описываемые в книге, открывают читателю свою долгую и многособытийную жизнь, как, скажем, стоящее ныне в музее бюро, за которым когда-то прилежно работала Александра Леонтьевна, потом трудился Алексей Николаевич Толстой, а потом за этим же бюро Ю.А. Крестинский написал первую биографию писателя (Крестинский 1960). Так один факт тянет за собой цепочку других фактов, и всё это складывается в непростую и занимательную историю создания музея-усадьбы А.Н. Толстого. И эти согретые благодарным чувством автора страницы о деятельности музейных работников, истовых «собирателей» и «хранителей» былого, придают всей книге глубокий этический смысл.

Привлекает в книге М.А. Перепёлкина и ярко выраженный эмоциональный момент, свидетельствующий о личной сопричастности автора к жизни описываемых мест. Как уроженец села Красноармейское (объединившее бывшие Колдыбань и Самаровку), исследователь соотносит в своём повествовании историко-краеведческие факты и обстоятельства, базирующиеся на документах, с собственными непосредственными впечатлениями человека, выросшего в другое время в этом же уголке Самарского Заволжья. Строки повести А. Толстого «Детство Никиты» постоянно отзываются в сознании автора горячими памятными импульсами собственного детского мироощущения. Это делает исследователя по-хорошему вдвойне пристрастным, отражая субъективное заинтересованное отношение и к «земляку» – писателю Алексею Толстому, и к миру своего детства.

Есть разные типы литературоведческих книг – книги-биографии, книги-творческие портреты, книги-свидетельства, книги-истолкования, книги-комментарии. Думается, труд М.А. Перепёлкина тяготеет к жанру авторитетной книги-комментария. Комментарий исчерпывающего и всеобъемлющего, после прочтения которого не только повесть «Детство Никиты», но и произведения «заволжского» цикла, да и целый ряд других толстовских текстов становятся более понятными и фактографически прозрачными.

Заключение

В современной гуманитаристике есть введенное Д.Н. Замятиным понятие «метагеография» (Замятин 2004), восходящее и к трудам французского ученого Г. Башляра о поэтике пространства, и к работам о многофункциональном «культурном тексте» (исследования В.Н. Топорова (Топоров 2003), Ю.М. Лотмана (Лотман 2002)). Под «петербургским» или «московским текстом» понимается некая устойчивая система взаимосвязанных мифологем, идеологем, образов, метафор, символов, мотивов, ключевых слов, топонимов, связанных с конкретным пространством. Сформировалась геоэтика как самостоятельная область художественного мышления и объект литературоведческой рефлексии. В научной литературе мы среди прочих пространственных «культурных текстов» встречаем не только столичный, но и «провинциальный текст», «уездный текст». И это не случайно, ведь уездная жизнь тоже обладала некоей знаковой целостностью. В данной связи можно сказать, что исследование М.А. Перепёлкина – это не только книга о конкретном детстве писателя А.Н. Толстого и отражении его ранних впечатлений в последующем творчестве, но и книга о локальном варианте российской провинциальной культуры. Такой проблемный разворот дополнительно расширяет значимость данного исследования. Мы в последние десятилетия буквально по

крупницам собираем многогранный и многоликий портрет отечественной провинции, кардинально меняющейся в связи с масштабным процессом интенсивной урбанизации. Сельская глубинка, уездные городки, увы, становятся порой своеобразной «Атлантидой», безвозвратно уходящей в пучину вод неотвратимых цивилизационных метаморфоз. Поэтому очень актуален интерес к закреплению в общественном сознании памяти об ушедшем и уходящем облике отечественных пространств, обладавших когда-то своей культурной узнаваемостью, своей мифологией, своей исторической конкретикой, своими уникальными социокультурными смыслами. Добротная книга М.А. Перепёлкина способствует именно такому закреплению и предостерегает от исчезновения из коллективной памяти тех или иных локусов российской провинции.

Материалы и исследования

Перепёлкин М.А. Вокруг «Детства Никиты»: мир – слово – смысл. Самара: Научно-технический центр, 2021. 701 с.

Библиографический список

Варламов А.Н. Алексей Толстой. Москва: Молодая гвардия, 2008. 591 с.

Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. Москва: Аграф, 2004. 506 с.

Крестинский Ю.А. А.Н. Толстой. Жизнь и творчество: (Краткий очерк). Москва: Изд-во АН СССР, 1960. 314 с.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. Санкт-Петербург: Акад. проект, 2002. 542 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Санкт-Петербург: Искусство – Санкт-Петербург, 2003. 616 с.

References

Varlamov, A.N. (2008), *Alexey Tolstoy*, Young guard, Moscow, Russia.

Zamyatin, D.N. (2004), *Metageography: Space of images and images of space*, Agraph, Moscow, Russia.

Krestinsky, Yu.A. (1960), *A.N. Tolstoy. Life and work: (Short essay)*, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Russia.

Lotman, Yu.M. (2002), *Articles on the semiotics of culture and art*, Acad. project, St.-Petersburg, Russia.

Toporov, V.N. (2003), *Petersbur text of Russian literature*, Art – SPb., St.-Petersburg, Russia.

Submitted: 01.09.2022

Revised: 26.11.2022

Accepted: 15.12.2022